

А. НОВИКОВ

«САМОКРАМЧУК»

Повесть и рассказы

Волгоград
2018

«САМОКАТЧИК»

П о в е с т ь

Однажды, разгуливая по бескрайним просторам Интернета, я кое-что припомнив, забил в поисковик: «военные аэродромы ГСВГ, Фалькенберг». Какова же была моя радость, когда компьютерная система нашла целый, в несколько страниц, форум с отзывами и рассказами ребят, которые в разные времена так или иначе оказывались связаны с этим аэродромом!

Кто-то прилетал или улетал с него, кто-то нёс там службу — обслуживал технику, выполнял учебные и боевые полёты.

В Интернете народ живое, с интересом и ностальгией по тем далёким временам, делился впечатлениями. Значит, помнят, не забыли!

Меня привлек следующий пост. Ник без фото, с подписью некто Роман Морозов пишет (орфографию и пунктуацию сохраняю): «Парни, кто служил или командировался на Фалькене — отметьте пересылку, ладно молодыми прилетели и почти сразу в Веймар, а в ноябре 90-го дня 3 ждал борт — туман был дикий — охраняли как в ГУЛАГе (правда без автоматов) — не могу точно сориентироваться, а хотелось бы. ТУ-154 приземлялся с запада, рядом со взлёткой ангар — летун часовой охранял — ждали когда молодые пройдут и на борт и желдор рядом была от лагеря, а место найти не могу. Городка не видел, а от палаток ОС был виден немецкий посёлок — не более километра полем».

Прочитав эту запись, я ударился в воспоминания, а после решил, что мне есть что рассказать. Пусть написанная повесть прольёт хоть каплю ясности для Романа Морозова и многих других парней, которые когда-то давно прикасались своей собственной судьбой к судьбе «Самокатчика».

дома и мечтали увидеть образцового солдата Советской Армии, а не какого-нибудь забулдыгу.

У Саньки было всё готово. Одевшись, он сидел в уголке бытовки, чемодан у ног. Скоро последует команда на построение. А потом двум батареям будут объявлять «подъём». И будет последнее прощание с расположением, с ребятами, которые остаются дослуживать свои сроки, вообще с армейской жизнью. Долгие месяцы больше всего на свете Санька жаждал этого прощального момента. Но теперь ему сделалось невыносимо грустно. Вот сейчас, через несколько минут, они расстанутся навсегда. Два года вместе варились в армейском котле, два года бок о бок несли службу, бывали на учениях, сдавали проверки, ходили в караулы и вдруг — всё! Разъедутся по разным уголкам огромной страны и больше никогда не увидятся. Никогда...

Но что-то церемония прощания задерживалась.

В бытовку вошли два «дембеля»-старшины: Игорь Бардин со Львовщины — заместитель командира взвода управления; и Серёга Кононов из Орла — заместитель командира первого огневого взвода. Красавцы парни! В начёсанных шинелях слегка похожи на медвежат. Наглаженные, накремленные шапки держатся на самых макушках. Глаза горят.

— Прикинь, Санёк, офицеры говорят, что построения не будет!

— Не дают даже попрощаться, уроды!

— Как это? — Санька непонимающе вращал глазами. — А как же традиции, там всё такое?

— Не знаю, — зло бросил Серёга.

— Козлы! — сердится Игорь. — Новая метла по-новому метёт. Вроде новый командир дивизиона запретил ночные подъёмы. Эх, то ли дело был Шеремет Владимир Дмитриевич! Тот бы такого не допустил. А этот так... барахло.

— Да, — соглашается Санька. — Говорили, что Шеремет куда-то в Сибирь заменяется?

— А я слышал, домой, на Украину, — вставил Кононов. И тут же зло добавил: — Да нам теперь не всё равно?!

Все, кто был в бытовке, соглашаясь, закивали головами. В этот момент дневальный прокричал:

— Дежурный по батарее, на выход!

— Ага, принесло кого-то, — поднимаясь со стула, нервно молвил грузин Онисе Джанелидзе. — Не дай боже старшина.

— Тьфу на тебя!

— Вот тянут за язык!

— Помолчал бы, — раздалось сразу несколько голосов.

А дневальный уже командовал:

— Дембелям строиться!

Народ в бытовке засуетился, завздохал, потянулся в коридор. На ходу кто-то из парней бурчал:

— Я сейчас этому дневальному нос откушу, крыса полосатая. Хоть бы как-то по-другому сказал. Теперь мы уедем, а это мурло будет перед всеми хвастаться, что дембелей строил.

— Да ладно, хватит.

— И не надоело?

— Не боишься, что до Нового года оставят? — понеслось со всех сторон.

И только в коридоре все резко затихли.

По начищенной до блеска плитке медленно, заложив руки за спину, прохаживался старший прапорщик Мартынюк.

Среднего роста, с самой что ни на есть обыкновенной, заурядной внешностью, но с пронзительным, цепким взглядом серых глаз старшина 4-й батареи одним своим видом вызывал у солдат и сержантов, а то даже у некоторых младших офицеров если не ужас, то состояние паники уж точно. Никто в подразделении не мог укрыться от его внимательного взгляда; ничто в пределах этажа, на котором жили сразу две батареи, не могло быть для Мартынюка тайным. Он знал обо всём! Ходили даже шуточки о том, что ему впору возглавлять «особый отдел». Впрочем, шуточки эти произносились шёпотом где-нибудь в самом дальнем углу парка техники или же в окопах на полигоне. А тот, кто их произносил, тут же сто раз оглядывался по сторонам и жалел о том, что разболтался. Старался свою же шутку разбавить другой шуткой, чтобы всё выглядело как можно безобиднее. Потому что никто и никогда не был уверен в том, что его пусть и шальные слова уже завтра ни станут достоянием слуха старшины. И кто знает, как он их воспримет и поймёт?

У Мартынюка не было явных стукачей. Нет, не было. Всё оказывалось намного страшнее. Каждый человек, сам того не осознавая, мог проболтаться ему о чём угодно. Старшина просто-напросто умел задавать вопросы и умел слушать ответы и делать правильные для себя выводы. О, этот хитрый лис! Свои разговоры, нет, выступления, речи перед личным составом батареи он произносил мастерски, необыкновенно тонко, почти виртуозно. Никогда не кричал. И всякое рядовое событие, будь то поход в столовую или же, к примеру, в баню, обставлял и окружал невероятной рациональностью и в то же время помпезностью и глубоким пафосом. От чего посещение бани представлялось солдатам чем-то схожим с полётом на Луну.

В плавных выверенных движениях, в мягком спокойном голосе старшина всё располагало собеседника расслабиться, принимать его за своего, чуть ли не родственника. Особенно часто попадались на эту удочку молодые солдаты. Но потом к ним приходил опыт. Они раз и навсегда усваивали, что со всем этим джентльменским набором Мар-

тынюка — с приветливой улыбочкой и спокойным голосом — шутить очень опасно. И просто невозможно!

Попавших в немилость старшина мог просто сломать, раздавить как мух. И даже это он делал спокойно, степенно, день за днём с пафосом произнося свои слишком тяжёлые, заушные для солдатского ума речи. Но действуя мёртвой хваткой! То найдёт повод засунуть попавшего в опалу в наряды суток на десять: через день — на ремень! И человек валится с ног от усталости. Всей мечтой жизни становится для него — несколько часов спокойного сна. То при переходе с летней формы одежды на зимнюю, или наоборот, даст провинившемуся обмундирование на три размера больше. И тот выглядит в нём, как чучело огородное. Он морально подавлен. А что же старшина? Он невозмутим и спокоен. Ни единый мускул на лице не выдаст его эмоций. Но бедные, бедные нарушители дисциплины!

Были и такие, которые верили в себя, в свои силёнки, в то, что им удастся провести старшего прапорщика или просто-напросто проигнорировать его требования. И Санька Голиков тоже поначалу чуть не попал в их число. Но после восьмого подряд наряда на службу внимательность и чувство самосохранения обострились у него настолько, что он решил — «скалу» по фамилии Мартынюк нельзя не замечать! Нужно сделать всё для того, чтобы остаток службы провести под сенью этой «скалы». И у него получилось. Закрыв навсегда рот в присутствии старшины, не говоря больше о нём ни с кем и никогда, а также добросовестно выполняя любые задания по службе, Санька всё-таки добился более-менее нормальных отношений. Это была точно не любовь, но и не ненависть. Ты меня не трогаешь — я тебя тоже. Вот и всё.

Но были в батарее и такие, кто совсем не мог понять, чего же добивается старший прапорщик Мартынюк. Их было мало, в разных призывах — единицы, но они были. То ли по скудости ума своего, то ли из-за никому не нужной и не интересной их гордости, а то ли просто из-за патологии в поведении они всякий раз пытались насолить старшине, небрежно выполнить его приказание или попытаться в чём-то перехитрить. И тогда месть его, по солдатским меркам, была ужасной. Мало того, что служба подобных деятелей становилась явно не мёдом, так ещё и «дембель» их превращался в ад. Мартынюк никогда и ничего не забывал и не прощал! Расправлялся он всегда жестоко. Приходил в час «дембеля», в минуты отъезда из части и, произнеся перед строем батареи одну из своих высокопарных речей, доставал лезвие. Тут же с улыбочкой расшивал нарушителю его с блеском подготовленную парадку, шинель, брюки. Форма одежды приводилась к уставным нормам. И это ещё если проштрафившийся в меру нарушал, то расшивалось просто, по ушитым швам. А если нарушитель был совсем уж злым, то старшина мог «нечаянно» чиркнуть лезвием пару-тройку раз «до самого» — до дыр. И никуда не деться. Через десять минут: маши-

на — вокзал — поезд — аэродром — Советский Союз. Больше нигде не обменять формы, не нагладить, не навести шик и блеск. Остаётся только кое-как, наскоро зашить в поезде. И предстать перед ждущими дома образцового солдата полным идиотом, неряхой, забуддыгой. Или искать по вокзалам «гражданку». Это когда её есть за что купить. Но всё равно, если и найдёшь, то эффект от возвращения служивого домой будет уже не тот... не тот.

Увольняемые хорошо знали и помнили об этом. Поэтому-то в коридоре и воцарилась гробовая тишина. Все гадали, по чью же душу пришёл посреди ночи старшина четвёртой батареи?

Молча построились в две шеренги.

Между «дембелями» 4-й и 5-й батареи расстояние пару метров. Пока подравнивались в строю, дневальный, у которого при виде старшины сонное выражение с лица будто рукой сняло, снова рывкнул:

— Дежурный по батарее, на выход!

Это пришёл старшина пятой — старший прапорщик Алчангян: невысокий, но на редкость энергичный армянин.

«Ага, — подумали Санька и его сослуживцы, — значит, провожать сговорились старшины. Значит, «точного адреса» у пришедшего Мартынюка, возможно, и нет. Ну, слава богу!»

Выдохнули.

И всё-таки тревога в душе жила. Ну не может человек быть кристально-чистым! Почти у всех в течение службы бывали хоть небольшие, но проблемы с дисциплиной. Оттого и волновались.

Алчангян, бодро двигаясь вдоль строя, вёл разговор со своими подопечными.

Другое дело Мартынюк. Он выхаживал мягкой кошачьей походкой, останавливаясь напротив каждого увольняемого. Внимательно рассматривал с ног до головы, с головы до ног. И всё это молча! С бесстрастным выражением лица! И только время от времени отстранённо, будто вспоминая о чём-то своём, слегка улыбался. Иногда брови его слетались к переносице, словно две хищные птицы, вещая солдатам и сержантам о том, что хозяин этих бровей чем-то не совсем доволен. Это походило на пытку! Будто каждого «дембеля» привязали к столбу и поджаривали на медленном-медленном огне.

«Уж слишком, — косясь на старшину, подумал Санька. — Хоть бы сказал чего. Наорал бы лучше, чем вот так».

И, словно читая его мысли, тот, остановившись в конце строя и развернувшись к нему лицом, подняв повыше подбородок, заговорил тихим, спокойным, но твёрдым голосом:

— Товарищи солдаты, сержанты и старшины... старшины. — Когда он волновался, то иногда повторял только что произнесённые фразы. Все об этом, конечно же, хорошо знали. А Мартынюк между тем продолжал: — Сегодня вы отправляетесь по домам. Вот и закончилась во-

инская служба... служба. Впереди у вас спокойная гражданская жизнь. И мне хотелось бы... хотелось бы, чтобы каждый из вас занял в ней своё достойное советского гражданина место. Сейчас ведь там, куда вы отправляетесь, не совсем всё просто...

«Во даёт! — слушая старшину, думал Санька. — Это тут было не просто. А дома-то чего? Молодость и свобода! Свобода от всех нарядов, караулов, строевой и политической подготовок, смотров техники. Что может быть лучше! И если здесь, сейчас заканчивается служба, то впереди только начало. Начало жизни, начало всего!»

— ...Поэтому, — звучал серьёзный голос старшего прапорщика, — надеюсь, что служба в рядах Вооружённых Сил, те трудности и испытания, с которыми вы столкнулись и которые с честью преодолели, только закалили ваш характер, сделали из вас настоящих мужиков. А это значит, что невзгоды, с которыми обязательно придётся встретиться в жизни... в жизни, будут для вас уже не так страшны. — Мартынюк сделал многозначительную паузу. Он оглядывал строй. Но оглядывал уже не тем суровым жёстким взглядом, которым любил и мог смотреть на личный состав при утреннем осмотре или при смене обмундирования. Это был тёплый, настоящий отеческий взгляд!

Санька впервые это понял: «Значит, железный человек, почти никогда и ничем не выдающий своих чувств «монстр», которого боится весь этаж, он тоже по-своему переживает».

И как подтверждение Санькиной мысли раздался слегка дрогнувший голос старшины:

— Что хотелось бы ещё сказать, ребята...

«Ребята?» — Санька чуть не упал прямо в строй. Такие слова от старшины он слышал впервые за два года.

— ...Так вот, — продолжал тот. — Хотелось бы ещё раз поблагодарить вас за добросовестную службу. Командный состав батареи уже выразил благодарность, а это я от себя лично... Лично от себя. Спасибо! Хорошего у нас было намного больше, чем плохого. Надеюсь, что эти два лучших года вашей юности вы будете вспоминать только с положительными эмоциями. Ещё раз спасибо за службу! — И он пошёл вдоль шеренги, пожимая руку каждому увольняемому.

Пока происходила эта процедура, в коридоре кое-что изменилось. Он стал заполняться молодыми, вновь прибывшими солдатами. Вид их был ужасен. Длинные, мятые, иногда совсем не по размеру шинели; такие же мятые, словно их жевало стадо коров, а потом вдруг выплюнуло на головы новобранцев, шапки; у каждого за плечами тёмно-зелёные вещмешки; грязные, мокрые сапоги; уныло мерцающие, нечищенные бляхи ремней и дикие, затравленные, совсем уж грустные, совсем уж мальчишеские взгляды. Им ещё только предстояло возмужать, хлебнув солдатской каши, изведав бессонных ночей в карауле, стрельбу и командно-штабных учений.

Прибывшие с молодыми два офицера старались отжимать их в другой конец длинного коридора. Выглядело это довольно комично, но построить новобранцев, пока на этаже находились увольняемые, было невозможно: элементарно не хватало места.

А народ всё прибывал. Среди множества мятых шапок замелькали ещё несколько офицерских фуражек. Дневальный по батарее рисковал сорвать голос, потому что при каждом появлении на этаже офицера или прапорщика он был обязан громко вызывать дежурного на выход.

Ситуация накалялась. Опытные, сопровождавшие «дембелей» старшины быстро её оценили. Пожав руку последнему стоявшему в строю солдату, Мартынюк резко скомандовал:

— Напра-во! Шагом марш! Строиться внизу, перед казармой!

Следом за ним такую же команду подал своим старший прапорщик Алчангян.

«А как же прощаться?!» — эта мысль резанула каждого увольняемого. Три раза — весной, осенью и снова весной — их будили среди ночи для того, чтобы сказать последнее «пока». И напрочь улетал сон, и кое-кто из них чаще обычного моргал; кое-кто с силой прижимал к губам сжатый кулак; и все мечтали о том, что настанет, обязательно настанет тот час, когда и они вот так же разбудят батарею, чтобы сказать ребятам своё последнее «пока» или «догоняй». А получается зря мечтали.

Что тут началось!

Единицы из «дембелей» молча покидали коридор. Остальные завоновались, загалдели:

— Товарищ старший прапорщик, а как же батарея?

— Прощание как же?

— Что же мы с ребятами не попрощались, товарищ старший лейтенант, — обращались уже к офицерам.

Юра Беловоленко — молоденький командир первого огневого взвода четвёртой батареи непонятно улыбнулся:

— Давай-давай, мужики. Не будет прощания. Тут молодое пополнение, а тут вы. Новый комдив запретил ночные подъёмы.

— Вот гады!

— Чмыри!

— Проститься не дали!

— Мы для них отработанный материал!.. — бубнили разобиженные «дембеля», спускаясь с третьего этажа вниз по лестнице. Но вначале, покидая коридор, в бессилии и с неподдельной злостью отпускали в адрес удивлённых всем происходящим, полусонных молодых солдат убийственные шуточки:

— Вешайтесь, черепа!

— Верёвка с мылом в парке есть!

— Уж мы-то вашим девкам скучать не дадим!

Санька хотел было тоже сморозить что-нибудь пострашнее да пообиднее, но, встретившись взглядами со стоявшим у самого края бесформенной толпы солдатиком, передумал. Слишком много страха было во взгляде паренька, почти ужас перед неизвестностью и в то же время жестокая борьба с одолевавшим его сном. И Санька, в одно мгновение вспомнив, как то же самое было с ним, не посмел. Только подняв правую ладонь, последний раз ступая за дверь коридора, сухо бросил:

Служи, пацан! — И заспешил вниз по лестнице.

Глава 2

Русские буквы, всего их четыре:
Что рассказать они могут тебе?
Ты не была там, ты ведь не знаешь
Что означает ГСВГ.

Из солдатского блокнота

На улице сыро и холодно. Мелкий косой дождик, не переставая, льет вторую неделю. Для увольняемых это не диковина. Здесь, в Ордруфе, подобное в порядке вещей. Бывало, дождь шёл по месяцу, а то и по два, день и ночь, то прибавляя, то убавляя свою силу. И днями, месяцами не могло солнышко ни единым лучиком пробиться к земле сквозь плотную, густую завесу тёмно-сизых туч. Холодно, сыро, неудобно. Одним словом, Ордруф — Гнилое ухо!

Выскакивая из казармы и строясь на плацу, «дембеля» между собой переговаривались:

— Помните, как сюда приехали?

— А то!

— Конечно! Такого не забудешь!

— В ноябре прибыли, а солнце увидели только в середине марта! За пятнадцать километров, в Готе, крыши от солнечных лучей сверкают, а тут его нет.

— А ведь и вправду!

— Кто тебе брехать собирался?

— Брешут собаки...

— Да хватит вам собачиться!

— Лучше вон на них посмотрите. Мама дорогая! Если б сейчас сказали, что остаёшься ещё на два года, я б, наверное, вздёрнулся!

— Куда б ты делся?

— Человек ко всему привыкает, — как бы подытожил Санька и вместе со всеми стал рассматривать бесформенную толпу молодых солдат, серой массой сгрудившуюся в дальнем углу плаца.

Бойцы пытались уклоняться от сыпавшего с небес дождя, а три офицера старались удержать их в некоем подобии строя. Вернее, усердствовали только двое. Третий стоял в плаще с накинутым поверх фуражки капюшоном и просто молча взирал на происходящее.

— Ты, длинный! — покрикивал один из офицеров, ещё даже не зная фамилий вновь прибывших солдат. — Выровняй ноги по линии. Что, не видишь? Голову опусти!

— Третий справа в первой шеренге, — визжал другой офицер, — надень вещмешок обратно на спину, а то я тебе его на шее завяжу!

— Товарищ лейтенант, — долетело откуда-то из глубины строя, — можно портянку перемотать, нога голая совсем?

— Можно Машку через ляжку! Или козу на возу! — рявкнул офицер. — Солдатик, бросай эти гражданские замашки. В армии только «разрешите». Сейчас подниметесь на этаж, там и перемотаешь...

— Дурдомище! — возмущались наблюдавшие за всем «дембеля».

— Чего их держат на дожде? — спросил кто-то из своих, слегка трогая Саньку за плечо. Будто сам не понимал! Но Санька по инерции пояснил:

— Видишь, со второй казармы «дембелей» нету? Прощаются они, как положено! Видишь, во всех окнах свет? Там ребята отчаянные. А нас... вот так вот...

В это время старшины скомандовали вернуться с плаца под козырёк у входа в казарму.

Подхватив чемоданы, «дембеля» дружно выполнили команду. Предстояло немного подождать. Но сколько же можно ждать! Нервы у всех на пределе. Кто-то крикнул, чтобы стало слышно молодым:

— Эй, есть кто из Ставрополя?

— Есть, — донёсся голос с той стороны плаца.

— Как там?

— Нормально!

И тут же на всех нахлынуло:

— Из Красноводска есть?

— Из Ростова?

— Из Ворошиловграда?

— Из Таганрога... Краснодара... Волгограда... — неслась и неслась переключка в хмуром ночном немецком небе. И уже мало кто обращал внимание на категорические требования офицеров и прапорщиков прекратить беспорядок. Ещё немного, и «дембеля» готовы были хлынуть из-под козырька казармы туда, к молодым, только лишь потому, что оттуда доносились вести о доме. Доносились из первых уст, от пацанов, которые недавно были Там, знают о том, что сейчас Там и как Там.

Ситуация вновь накалялась.

Но ничего слишком уж неуставного не произошло. Свет в расположении соседней казармы стал гаснуть. Из дверей на крылечко повалили счастливые парни с чемоданами в руках.

Офицеры, командовавшие молодыми, с опаской поглядывали на заполнявшийся «дембелями» выход. И не зря. Едва увольняемые, привыкнув к темноте, рассмотрели вновь прибывшее пополнение, как тут же понеслось:

— Духи, вешайтесь!

— Вешайтесь, уроды! — и т. д. и т. п.

«Не зря молодых держали на дожде, — подумалось Саньке. — С этими встреча могла получиться иной, чем с нами».

А в это время к КПП подъехали две патрульные машины, 131-й ЗИЛ и ГАЗ-66.

«Дембелей» из обеих казарм согнали в общую кучу и, заставив создать что-то наподобие строя, чуть ли не бегом повели через плац, к выходу из части.

Моросил, моросил из непроглядной темени ночного неба мелкий ледяной дождик, поливал плац, казармы, столовую, высокие бетонные плиты забора части — серые, холодные. Но это только на первый взгляд казалось, что они обыкновенные. На самом же деле плиты забора, будто волшебные. Этакая своего рода машина времени! Входил за них человек — и всё... Останавливалось для него это самое время. И два года за плитами превращались в целую вечность. Другое дело, когда за них выходили. Происходило обратное: раскачивалось, раскручивалось, трогалось время, готовое понестись пущенной из тугого лука стрелой. И ждала человека за забором жизнь совсем новая, та, от которой он успел напрочь отвыкнуть. А может, и другая, но обязательно новая. Главное, чтобы выходящий за плиты человек остался... человеком.

Санька Голиков, в рядах «дембелей» преодолев КПП, ни о чём особо не задумываясь, смело шагнул с невысокой ступеньки в другой, новый мир. Он одним из последних подал чемодан и вслед за ним сам быстро поднялся по навесной лесенке в кузов 66-го. Удобнее устроившись на скамейке под тентом, угрюмо смотрел, как в тусклом свете фонарей быстро остаётся позади ехавшего автомобиля серый, неприветливый забор части. Вскоре 66-й и 131-й успешно миновали ещё один КПП и, соблюдая положенную дистанцию, плавно покатали по спавшему полупустому городу к железнодорожному вокзалу.

У вокзала, едва покинув кузов машины, Санька разыскал в однообразной толпе военных земляка — Вовку Ночкина. Вместе прослужили все два года. Правда, в разных подразделениях. Санька в пушечно-самоходном артдивизионе, а Вовка в тяжелогоабичном. Жили в разных

казармах. Но стояли казармы в десяти шагах друг от дружки. И виделись ребята каждый день. Вместе вспоминали далёкую родную землю; вместе мечтали о «дембеле» и о том, как хорошо всё должно складываться после службы.

Вообще-то знакомы были ещё до армии, хоть и жили в разных сёлах одного района: Вовка в Мариновке, а Санька в Светлом. Сразу после окончания средней школы оба поступили на курсы шоферов в городскую автошколу ДОСААФ. Там сошлись и подружились. После завершения учёбы успели поработать в родных колхозах. Призывались в СА в один день. А после были призывные и пересыльные пункты, переодевание в воинскую форму, полёт в Германию и снова пересыльные, пересыльные, пересыльные.

В итоге два года вместе! Так распорядилась судьба. Нет, конечно, были у них в части ещё земляки, самые близкие — из Мариновки — Игорь и Ваня; Славик из станицы Орловской. Общались они, все вместе общались. Но характерами, взглядами на окружающий мир, душами ближе всех сошлись Санька и Вовка.

Вован, как часто называли его ребята, был парнем уравновешенным, рассудительным, до поры спокойным. Любил и умел делать почти любую работу. На язык не болтлив и в меру весел. Все эти качества имелись и у Саньки, который, пожалуй, иногда грешил излишней мечтательностью. Бывало, вслух развивал такие фантазии, что ого-го! Впрочем, Вован был не прочь их выслушивать. Порой даже добавлял кое-что своё. А иногда они просто, встретившись за казармами, могли сидеть друг напротив друга, не говоря ни слова. И будто знали то, о чём думает товарищ, будто читали мысли друг друга. Тяжело вздыхали. О доме думали, о доме.

Теперь здесь, на ордруфском железнодорожном вокзале, снова встретились они, чтобы вместе отправиться на родину. Через несколько минут их стало больше. Подошли Игорь, Ваня, Славик и Серёга — тоже из Нской... области. Земляки! Вместе служили — вместе домой!

Пока делились впечатлениями от расставания с подразделениями, в которых провели два долгих года, к перрону подали поезд.

Прапорщик Кутяк — невысокий крепыш-белорус, сопровождающий увольняемых, проверил их по списку. Приказал занимать два последних вагона. В окнах остальных уже маячили шапки, шинели, чемоданы. Поезд битком был набит «дембелями». Да здравствует счастливая пора увольнения в запас!

Вагоны обыкновенные, плацкартные. Ребята заняли одно купе и боковушки напротив. Поезд, громыхнув тормозными башмаками, плавно тронулся в путь — на военный аэродром Фалькенберг. Там «дембелей» должны пересадить в самолёт, который возьмёт курс на СССР. Скорее бы уже! Вези скорее, железный конь!

Но «конь» не торопился. Вообще-то в ГДР железная дорога — узкоколейная. Тягловую силу пассажирских поездов представляли исключительно электровозы. Такой поезд набирал всего за пару минут очень большую скорость. Но оставались ещё отголоски прошлого — старые добрые тепловозы. Они использовались в основном для буксировки грузовых составов и частенько для нужд ограниченного контингента ГСВГ. Такие поезда, то ли из-за того, что им приходилось пропускать вперёд быстрые электровозы, то ли ещё по какой-то неизвестной солдатам СА причине, двигались по территории ГДР очень медленно. Среди военных, у которых всегда не хватало времени, они имели дурную славу и однажды раз и навсегда прозвались «вертушками». Ехать на вертушке было истинной мукой.

Вскоре всю её безысходность ощутили на себе Санька и его товарищи.

Конечно, они ездили на вертушках и раньше. Но тогда никакой муки не ощущалось. Например, когда два года назад их везли по Германии от гарнизона к гарнизону, от пересылки к пересылке. Ну какая же в том мука? Всё равно впереди неизвестность. Лопатой не кидать, перед глазами новая, совсем невиданная, красивая страна, центр Европы! Так что сиди смиренно и смотри себе за окошко. Куда-нибудь да привезут.

Или, например, когда они несколько раз за службу ездили на учения. Погрузили технику на платформы, сами по вагонам-теплушкам. Стоит посреди такого вагона печка-буржуйка, присматривает за ней наряд из двух солдатиков, которые меняются каждые два часа. Остальные воины по нарам. В вагоне тепло, уютно, стоит мешок сухарей и очень-очень много банок сухого пайка. Фляга воды у печки — это потенциальный чай. Очнулся ото сна, спустился с нар, разогрел на плите буржуйки банку тушёнки — съел; а после вскипятил чайку — выпил. И опять на нары! Служба идёт. Пусть этот поезд везёт хоть несколько витков вокруг Земли. Ну какая же это мука? Сказка!

Иное дело ехать на вертушке домой. Когда служба уже позади и от него, долгожданного дома, отделяет только одно — расстояние. Тут каждая остановка не то что мука, а нож острый в сердце. А случись подольше заминка, так вовсе кровь в жилах закипает от нетерпения и злости. Не хочется ни есть, ни пить, ни разговаривать; даже смотреть за окно не хочется. Мука! Адская мука! И только одно желание: скорее бы тронуться с места. Лишь бы как-нибудь, пусть еле-еле, потихоньку, но двигаться вперёд, сокращая и сокращая расстояние — последнюю отделяющую от дома преграду.

Закончив начатые ещё на перроне обсуждения прощания с батареями, ротами, взводами, Санька и его спутники будто впали в транс. Они вдруг резко ощутили, насколько медленно движется состав. За последние недели, дни тягостных ожиданий, растратив последние эмо-

ции, ребята сидели теперь молча. Слов больше не осталось. И только однажды, когда за окном стали угадываться первые признаки рассвета, станичник Славик бесстрастно произнёс:

— Едем как на быках.

— А ты на них ездил? — явно сдерживаясь, чтобы не нагрубить, сквозь накатывавшую пелену дрёмы сурово спросил Игорь.

— Бабка всегда так говорит, — нехотя пробасил Славик и тоже сомкнул глаза.

Никто из ребят разговора не поддержал. Кто-то из них дремал, кто-то просто делал вид, что дремлет.

В душах и мыслях воцарилась невероятная пустота.

Глава 3

«Дембель» не девушка —
стороной не обойдёт.

Из солдатского блокнота

Первым очнулся Игорь. Потёр пальцами глаза, ладонями хлопнул себя по щекам, сгоняя неприятное полусонное оцепенение. Только после выглянул за окошко.

На улице рассветало.

Услышав оживление со стороны Игоря, друг за другом стали просыпаться остальные ребята.

— Небось, в Эрфурте только? — недовольно спросил Вовка выглядывавшего за окно товарища.

— Эрфурт проехали. Что-то не пойму где мы есть...

— Веймар. Пригороды. Вон там, за Бухенвальдом, наш лагерь стоял, когда машины сдавали. В Союз отправляли, — пояснил Санька, пристроившийся у окна, рядом с Игорем. — Двигаемся, потихоньку, но двигаемся.

Поезд действительно катил по пригородам легендарного Веймара, бывшего некогда столицей Веймарской республики. Именно в нём пятьдесят лет прожил знаменитый немецкий поэт Гёте. И здесь — в Веймаре — палач Гитлер построил в тридцать седьмом «фабрику смерти» — концентрационный лагерь Бухенвальд, в стенах которого с тридцать седьмого по сорок пятый года погибло около шестидесяти тысяч человек. И только советские солдаты смогли потушить дымящие зловещим дымом печи лагерного крематория.

Сейчас никто из ребят об этом не думал. Каждый из них прислушивался к равномерному стуку колёс о стыки рельсов. Ну почему же он такой редкий — этот стук: «До... мой! До... мой! До... мой!»

Народ в вагоне постепенно просыпался. Мимо купе начали взад-вперёд проходить увольняемые в запас военнослужащие. Слышались возня, шум, возгласы.

— Ур-ра! Домой!

— Всё, теперь назад не вернут!

— Снег, мужики! Снег! Классно же!

За окном и вправду лежал первый, только что выпавший кипенно-белый снег. Для этой местности, учитывая число и месяц на календаре, а также особенности климата, не ахти какая, но редкость. По крайней мере за предыдущие два года никто его в такое время не видел. А тут... Снег словно обновил всё вокруг: скрыл грязную пелену осени нарядным своим, пушистым покрывалом, давая людям возможность заново оставить следы в этом мире. Как символичен он был для тех, кто ехал в «дембельском» поезде! В прошлом для них остались бессонные ночи в караулах, вонь сушилок, липкая грязь полигонов и жестокие драки. Всё словно бы скрылось и навеки осталось там — под чисто-белым снегом первой осенней пороши. А впереди новая жизнь, новые по ней следы, которые каждый из них обязательно оставит. Слава снегу!

Слава «дембелю»!

— Смотрите, десантники! — позвал заглядывавший с «боковушки» в окно Серёга.

Действительно. С левой стороны по ходу движения поезда тянулась кажущаяся бесконечной шеренга военнослужащих. Начёсанные шинели, голубые погоны, нарядные аксельбанты из шёлковых парашютных строп, «дембельские» чемоданы у ног.

— Точно десантура! Дембеля! — Ребята прикинули к окошку вагона, стараясь разглядеть лица стоявших в ожидании солдат. Может, будет кто-то из знакомых?

— Маталкин! — Санька проговорил эту фамилию машинально. Увидел рослого старшину-десантника, и ему показалось... — Маталкин, — тут же ещё раз повторил он. Все подхватили:

— Где?

— Не может быть!

— Точно он!

— Старшина! Ни фиги себе!

Маталкина знали все, потому что на службу, в Германию, ехали вместе. Разлучили их только на пересыльном пункте в Веймаре. Куда он дальше пошёл служить — было неизвестно. И вот здесь же, в Веймаре, спустя два года они узнали в бравом десантнике своего товарища. Знали то его все, но только Саньке был он одноклассником. И Голикову даже не поверилось, что такое может быть. Он потёр глаза. Да нет, точно не сон!

Поезд еле двигался. Вот-вот должен остановиться, где-то рядом перрон. Но Санька не стал ждать. Сбросив шинель, протиснулся к там-

буру и, на ходу спрыгнув, побежал назад. Уже через несколько минут они в дружеском приветствии обнялись с Маталкиным.

— Где служил? Как? Что?

— Майнинген. Десант.

— Я в Ордруфе. Артиллерия, водитель. Надо же! Рядом, все два года рядом, и не знали!

— В Эйзенахе бывал часто...

— Да ты что! Мы там на боевом дежурстве стояли. Десантуру сто раз видели, общались. У них казарма рядом с нашей.

— Ну да. Там я и бывал.

— Эх, тёзка, вот судьба! Два года рядом и не виделись!

— Ну, чего теперь... Теперь домой!

— Как там? Давно письма получал?

— Недавно. Но отвечать...

— Сам такой. Перед «дембелем» не больно на письма тянет...

— Санёк, Санёк!.. — вдоль уже остановившегося поезда спешил Игорь. — Там наших строят. Прапор увидел, как ты спрыгнул, ругается теперь.

— Иду. — Санька попрощался с Маталкиным. Того тоже позвали в строй.

Казалось, что служба изо всех сил старается удержать этих молодых крепких ребят. Не сдаётся.

Санька и Игорь вместе поторопились обратно к своим. Вдали уже был виден строй. Снег радостно скрипел под подошвами их парадных ботинок.

Запыхавшись, подошли.

— Товарищ прапорщик, разрешите стать в строй?

— Становитесь, — спокойно и даже несколько вальяжно проговорил невысокий коренастый Кутяк. Пока Санька и Игорь пополняли шеренгу, добавил: — Голиков, ты ещё не на гражданке! Хочешь, верну в часть? Уедешь домой на Новый год...

— Не надо, товарищ прапорщик, — на ходу поморщился Санька. Но по тону старшего по званию понял, что тот совсем не собирается выполнять угрозу.

И всё же Кутяк посерьёзnel. Всегда лёгкая, загадочная, а иногда ну просто элегантная улыбочка на его лице с крупными выделяющимися скулами и большим, правильной формы носом сменилась озабоченностью и беспокойством.

— Ехать нам далеко, — тихо сообщил он стоявшим в строю солдатам. — Если кто-нибудь ещё раз, не дай бог, попробует сделать то же самое, что сделал Голиков, то... — Кутяк для убедительности сжал правую ладонь в огромный кулак, погрозил «дембелям», — ...я больше предупреждать не буду. Сразу в пятак! Ясно? — последний вопрос он